

Современная женская коми лирика: МОТИВ ДВОЕМИРИЯ

Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013
«Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

А. В. Малева,

младший научный сотрудник,
ФГУН «Институт языка, литературы
и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН»
(г. Сыктывкар, РФ)

Период конца XX – начала XXI в. отмечен активным развитием женской коми поэзии. Картина мира, воссозданная в произведениях поэтесс, отражает особенности мировоззрения человека, переживающего катаклизмы драматичного времени: «...лирика создает характер... не столько “частный”, единичный, сколько эпохальный, исторический, тот типовой образ современника, который вырабатывают большие движения культуры» [2, 7].

Содержание мотива двоемирия в современной женской коми лирике раскрывается в двух аспектах: он реализует противопоставление двух пространств в жизни лирической героини – «мир земной (реальный) / параллельный мир» и «село / город», характеризуя ее сознание как дуальное. В этой статье мы рассмотрим первый аспект мотива.

Как утверждает литературовед И. Карпов, двоемирие – это «своеобразное явление человеческого восприятия, познания и осмысления действительности. Живя в одном мире – мире реальных вещей и реальных отношений, т. е. в мире феноменальном – мире явлений, данных в опыте и постигаемых при помощи чувств, – человек пытается осмыслить этот мир, и это осмысление является как бы вторым миром – миром ноуменальным – мыслимым. Мир ноуменальный является мотивацией, оправданием, осмыслением мира феноменального» [3]. Понятие жизни героини современной коми лирики часто выходит за пределы

© Малева А. В., 2012

физически осязаемого и формирует так называемый параллельный мир, или вторую реальность, которую составляют ее вера в Бога; мифологизирование окружающего пространства, а также сновидения, фантазии, поиск и моделирование идеального мира.

Тяга к мистическому, интуитивность – отличительные черты женского мышления. Для современной женской коми лирики характерны противопоставление и одновременно параллельное сосуществование реального и ирреального. Часто это выражается в том, что тоска по утраченному, боязнь сложностей жизни уведут героиню в иллюзорный мир ночной гармонии, порождают поток мыслеобразов в ночное или вечернее время (Н. Обрезкова, Ан. Шомысова, Л. Втюрина, Н. Павлова). Это либо размышления о собственной судьбе, либо ожидание близкого человека, либо наблюдения за звездным небом в попытках разгадать его тайну.

Анастасия Шомысова

Дзикӧдз пемдӧс. И кусӧсны бияс.
Ӧти ӧшиньын дыр на оз кус...
Менам ӧшиньын черань вез сияс,
Войся мӧвпъясӧй тшыналан бус.

(Ан. Шомысова «Дзикӧдз пемдӧс. И кусӧсны бияс...», 2006)

Совсем стемнело. И погасли огни.
Только лишь в одном окне долго свет еще не гас...
В моем окне нити паутины,
Ночных мыслей дымящаяся пыль.

(Ан. Шомысова «Совсем стемнело. И погасли огни...», 2006. – Здесь и далее перевод подстрочный наш. – А. М.)

Сновидения в женской коми лирике – одно из средств гармонизации героиней окружающего пространства, которое часто составляет сюжетную основу стихотворения. Функциональная особенность данного понятия заключена не только в физическом отдыхе, но и в том, что сон становится средством нарушения героиней строгой системы законов земного материального мира, в котором ей часто тесно и неудобно: по З. Фрейду, сновидения представляют собой форму своеобразного осуществления желаний [5]. Так, в снах героиня способна раздвигать временные и пространственные рамки, возвращать необходимые моменты из своего прошлого (Ан. Шомысова «Тэно, мусаёс, окалас асылыс...» – «Тебя, любимого, расцелует утро...», 2006), обретать недостающие, не реализуемые земной жизнью ценности (Н. Павлова «Сьёлём, кывзыв, видзышт, инё...» – «Сердце, послушай, схорони пока...», 2006), встречаться с умершими родственниками (Л. Втюрина «Айкөд серни» – «Разговор с отцом», 2006), разрушать преграды между желаемым и противостоящим ее желаниям (А. Мальцева «Воль ю бокса козьяс» – «Ели у реки Воль», 2006). Сны отражают подсознательное стремление героини к чуду, недостающему ей в реальной жизни, к желанию обретения больших возможностей, к большей свободе и независимости (Н. Павлова «Гашкө тадз и воли» – «Так, наверное, и было», 2006). В попытках раскрыть физиологию сна героиня Л. Втюриной и Н. Павловой отражает закон соприкосновения миров: жизнь в снах для нее настолько же реальна, как и сама действительность, а сон характеризуется как блуждание человеческих душ по миру:

...Висьталёны, мортлөн олан туйыс
дженъыд, нёшта-й джынсё мырддьё вёт.

Мырддьё-ё? Од вётын сідз жё олан...

(Л. Втюрина «Югид вой», 2006)

...Говорят, жизненный путь человека
короток, да еще и половину отбирает сон.

Отбирает ли? Ведь во сне так же живешь...

(Л. Втюрина «Светлая ночь», 2006)

Кок вылысь тай личкис унмыс,
Здук-мөд кежлө ойбырмунла.
Вётнад быдлаё тай волан,
Ачыд узян, лолыд олө.

(Н. Павлова «Сьёлём, кывзыв, видзышт, инё...», 2006)

С ног свалил сон,
На мгновение-другое вздремну.
Во сне всюду ведь бываешь,
Сам спишь, а душа живет.

(Н. Павлова «Сердце, послушай, схорони пока...», 2006)

Божий мир характеризуется большей дистанцированностью: он, скорее, – мечта лирической героини, нежели доступность. Дистанция, по мнению Л. Втюриной, обусловлена поведением человека: соприкосновение с ним необходимо заслужить своей земной жизнью; ее божий мир далек от полного греха, скорби и житейских невзгод человечества (Л. Втюрина «Енэжиз» – «Небесный странник», «Мамлөн чужанін» – «Родина мамы», 2006). Бог становится нравственно-моральным мерилom человеческой жизни, адресатом, которому героиня исповедует свою земную жизнь и благодарит за нее (Н. Павлова «Код и сетлө мянлы...» – «Кто же дает нам возможность...», 2006 и др.). Общение с Богом, в частности, молитва, покаяние и исповедь – один из способов борьбы героини с чувством душевного дискомфорта, а также основа для формирования ее жизненных принципов (Н. Павлова «Олөмос ог эндөд, некодөс ог вежав...» – «Жизнь не запустила, никому не завидовала...», 2006).

Содержание мотива двоемирия в современной женской коми лирике раскрывается в двух аспектах: он реализует противопоставление двух пространств в жизни лирической героини – «мир земной (реальный) / параллельный мир» и «село / город», характеризуя сознание лирической героини как дуальное.

Фантазии – неотъемлемая часть жизни героини современной коми лирики: «фантазия привлекательна... как “объект” идентификации своих собственных вытесненных желаний» [1]. Так, в жизни героини Ан. Шомысовой фантазии становятся средством борьбы с одиночеством, однообразием мыслей и чувств: смоделированный сознанием мир «весенней земли» отражает ее физическую и психологическую неспособность пережить испытания. Фантазии – способ мироосвоения лирической героини Н. Павловой: любознательные наблюдения за красотой окружающего мира вызывают в ее сознании поток метафорических ассоциаций, проекций нематериальных законов сказки на физический бытовой мир. Освоение мира героиней можно охарактеризовать как «творящее», «созидающее»: в своем желании раскрыть метафизическую тайну звездного неба она становится творцом окружающего мира, наделяя

Надежда Павлова

Людмила Втюрина

Нина Обрезкова

его личным субъективным пониманием и толкованием («Ме видзёда чуймёмн...» – «Я гляжу с удивлением...», 2006). Она обладает особым умением преобразовать окружающий мир в сказку, открывая при этом незримое человеком, но видимое ею в ее желаниях и в ее сознании. Фантазия лирической героини – ее нежность, романтичность и сказочность – отражает черту именно женской психологии, связанную с особой женской любознательностью, подсознательным желанием выйти за границы материального, познать иные существующие пространства и миры. В отличие от фантазии Ан. Шомысовой фантазия героини Н. Павловой не представляет собой изоляцию от дискомфорта реальной жизни, скорее, она раскрывает особенность любознательного воображения и широкого, выходящего за пределы материальных интересов, поэтического мышления. При этом увлеченность лирической героини параллельным миром не становится отражением полного отторжения ею реальной земной жизни. Признавая за собой стиль сказочницы, героиня Н. Павловой не подменяет фантазиями реальную жизнь, она обладает способностью наделять ценностными свойствами доступные радости:

Вётд – вёт, а збыль кё шуны,
Оз ков, майбыр, ылё мунны.
Чужанінсьыд съблём тырён
Гумлав муслун, да эн бырёд.

(Н. Павлова «Съблём, кывзыв, видзышт, инё...», 2006)

Сон – сном, а сказать по правде,
Хорошо, не нужно далеко ходить.
С родины полным сердцем
Черпай любовь и не растрачивай ее.

(Н. Павлова «Сердце, послушай, схорони пока...», 2006)

Женская коми лирика обнаруживает также определенное понимание местообитания человека после его физической смерти. Стремление к нему становится крайним способом обретения душевной гармонии. Так, героиня Н. Обрезковой моделирует ситуацию собственного, как правило, зооморфного, ухода из жизни («Сідз и коля...» – «Так и останусь...», 2001). Облик смерти в лирике Н. Павловой разрушен подсознательной верой в существование потустороннего – параллельного земному – мира, в котором уставшая, закрученная в водовороте жизненной суеты и спешки душа человека обретает, по мнению героини, долгожданный покой («Арся ыркыд чёлас эськё ылавны...» – «Заблудиться бы в тиши осенней прохлады...», 2006). В данной ситуации в женской коми поэзии часто можно наблюдать внутренний конфликт лирической героини в аспекте «земное / потустороннее», когда иномирие становится для нее более желательным пространством, нежели реальная жизнь, как, например, в лирике Л. Втюриной («Лабич вылын» – «На крыльчке», 2006). Чувство земного пересиливает тягу к иномирию у героини Н. Павловой: ее сильная привязанность к родине и земле предков оказывается сильнее желания покинуть земную жизнь и отправиться за счастьем в небесное пространство вслед за Божьим сыном («Кык пу костё ылалём гортса садйын...» – «Заблудившись меж двух деревьев в саду домашнем...», 2006).

Мифологизирование окружающего пространства подразумевает его сакрализацию, когда героиня проводит тонкую параллель между прошлым и настоящим, между соблюдением человеком народных традиций и успешностью его жизни, когда мифологические персонажи воспринимаются как полноправные обитатели ее жизненного пространства. Такова героиня поэзии Н. Обрезковой.

Бабьясным –
вөрö югыд паськөмөн,
ва вылö – пемыдөн.
Некор эз янавлы юр.
Челядьным –
ва вылö югыдөн,
вөрö – пемыдөн.
Чери ни вотöс оз сюр.

(Н. Обрезкова «Бабьясным...», 2007)

Бабушки наши –
в лес – в светлой одежде,
к воде – в темной.
Ни разу голову не опозорили.
Дети наши –
к воде – в светлой,
в лес – в темной.
Ни рыбы, ни ягод не достанется.

(Н. Обрезкова «Бабушки наши...», 2007)

Естественный характер мифологизирования в поэзии Н. Обрезковой отличается от «искусственного» в лирике Н. Павловой, которая словно наслаивает мифологии разных культур: ее жизненное пространство «пестрит» образами античного быка, былинных богатырей, христианского рая и ада и др. («Тöлысь пыж вылын пемыд ваті...» – «В лодке-месяце по темным водам...», «Лов лэптанин» – «Место, окрывающее душу», 2006).

**Для современной женской
коми лирики характерны
противопоставление
и одновременно параллельное
сосуществование реального
и ирреального.**

Дискомфорт в мироощущении обуславливает также обращение авторов к форме романтического миромоделирования, что становится выражением стремления героини к идеальному, недостижимому в действительности. Так, объектом поиска лирической героини нередко становится искусственно созданный мир, противоположный данному – земному: героиня не только создает модель идеального пространства, но и дает ему наименование и толкование: «Благодаря соприкосновению с миром идеального лирическое “я”, оказываясь в указанных состояниях, открывает в своем внутреннем содержании тот ценностный аспект, который придает ему исключительную значимость» [4, 55]. Героиня Ан. Шомысовой находится в поисках «весенней земли» («Ну менö» – «Унеси меня», 2006:

Алена Ельцова

«Кöні тэ, Тувсовья му, / Кодöс ме öнöдз эг су?» – «Где же ты, Весенняя земля, / Которую я до сих пор не могу найти?»). Этот поиск оформлен в обращение заклинательного характера к природным силам: «внутренний конфликт, страдание, потребность в собеседнике заставляет лирического героя просить о помощи...»; «речевой жанр просьбы помогает лирическому герою эксплицитно выразить идею иметь что-либо, обладать чем-либо, обозначить желаемый объект, отсутствие которого вызывает страдание» [6, 42]. Поиск обновленного, возрожденного в счастье земного века,

лишенного ссор, раздора и разобщенности рая, наступление которого произойдет, по мнению героини, благодаря некоему Светлому Человеку («Лача» – «Надежда», 2006), раскрывает романтичность ее мироощущения.

Параллельное пространство героини Л. Втюриной сформировано ее христианским мышлением: мир, противоположный земному, она называет божьим («Енэжиз» – «Небесный странник», 2006), пространственно ориентированным на небо, познание которого человеком происходит после его физической смерти. Для героини Н. Обрезковой и А. Ельцовой особым местом притяжения становится пространство звездного неба (А. Ельцова «Еджыд кымöръяс – бордья мөвпьясой...» – «Белые облака – крылатые мои мысли...», 1997; Н. Обрезкова «Сідз и коля...» – «Так и останусь...», 2001), однако содержательный аспект данных образов сформирован не христианской философией. В поэзии Н. Обрезковой образ неба отражает, на наш взгляд, стремление героини вырваться из оков земного мира и обрести некую свободу, простор, в лирике же А. Ельцовой ценностный статус неба заключен в его статичности, противоположной изменчивости земного мира: небо для героини становится средоточием счастья и вечной молодости: «Лэбзьöй, мөвпьясöй, кодзув вылнаöдз, / Коні шудыслы абу пом. / Нуöй менö ті сійö ылнаöдз, / Кöні нэм кежлö коля том» – «Летите, мои мысли, до звезд, / Где конца нет счастью. / Унесите меня до той высоты, / Где навечно останусь молодой» (А. Ельцова «Еджыд кымöръяс – бордья мөвпьясой...», 1997).

Миромоделирование в лирике Н. Павловой в силу его мифологичности масштабно и глобально: жизненное пространство героини имеет космиче-

скую протяженность от рая до ада («Тöлысь пыж вылын пемыд вати...») – «На лодке-месяце по темным водам...», 2006), ее поиск недостающих ценностей выходит за пределы материального в снах («Сьöлöм, кывзыв, видзышт, инö...») – «Сердце, послушай, схорони пока...», 2006), однако средоточием счастья становится метафорически выраженный национальный мир малой родины, называемый ею домашним садом и земным раем («Õти пиöс чужтылі, öтикöс и быдтылі...») – «Одного сына родила, одного и вырастила...», 2006).

Мифологизирование окружающего пространства подразумевает его сакрализацию, когда героиня проводит тонкую параллель между прошлым и настоящим, когда мифологические персонажи воспринимаются как полноправные обитатели ее жизненного пространства.

Идеальным миром для героини А. Мальцевой становится мир утраченного детства в родном селе, кроме того, наблюдаемое моделирование противоположного пространства в лирике поэтессы в большей степени земное и выражает ее желание социального обособления и единения с любимым человеком:

Вай талун мунам тэкöд сэтчö
...Кöн абу йöзлөн завидь синьяс.
...А тані милы овны позытöм.
...Мед некод миянöс оз аддзы.
Ак, век кö эськö вöлі тадзи.

(А. Мальцева «Вай талун мунам тэкöд сэтчö...», 2006)

Давай сегодня мы уйдем с тобой туда
...Где нет завистливых глаз людей.
...А здесь быть нам невозможно.
...Пусть никто нас не увидит
Ах, было б так всегда.

(А. Мальцева «Давай сегодня мы уйдем с тобой туда...», 2006)

Таким образом, мотив двоemiрия в аспекте «реальный мир / мир параллельный» становится выражением либо причинно обусловленной внутренней противоречивости лирической героини, формирующей драматическую дуальность ее сознания и мышления, в основе которой, как правило, лежит побег от нежелательной действительности (Ан. Шомысова, Л. Втюрина, А. Мальцева), либо

особенностей ее мировосприятия (мифологизирование в лирике Н. Обрезковой), либо способа постижения окружающего пространства (фантазии, сновидения и мифологизирование в лирике Н. Павловой). Расщепленность, раздвоенность мышления героини, сформированная романтическим противоречием «мечта / сущность», на наш взгляд, является как онтологическим свойством человека, не достигшего духовного единения с миром, так и фактором, выражающим особенности периода рубежа веков, тысячелетий, суть которого – ощущение необходимости перемен, ценностная переоценка, поиск направлений. Прикосновение к ирреальности в данном случае становится способом достижения желаемого путем преодоления и разрушения физических законов материального мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

литература рубежа XX–XXI вв.; современная коми поэзия; женская лирика; лирическая героиня; мотив; двоemiрие

Literature at the turn of XX–XXI centuries; modern Komi poetry; female poetry; female poetic character; motive; double reality

KEYWORDS

Поступила 22.02.2012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бютнер, К. Насилие в фантазиях. Фантазия и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psychology.vuzlib.net/book_o254_page_8.html (дата обращения: 12.10.2011).
2. Гинзбург, Л. О лирике / Л. Гинзбург. – М. : Интрада, 1974.
3. Карнов, И. Двоemiрие Николая Заболоцкого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2003/11/13-33> (дата обращения: 22.09.2011).
4. Смирнов, А. В. Ценностный статус лирического «я» в романтической поэзии А. С. Пушкина 1820-х гг. // Романтизм: Вопросы эстетики. – Тверь, 1992.
5. Фрейд, З. Сновидения – осуществление желания [Электронный ресурс] // Фрейд З. Толкование сновидений. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/21_f/freud_freud_12.html (дата обращения: 11.07.2011).
6. Яковлева, Е. А. Генристическая поэтика: новые аспекты изучения лирического героя (на примере поэзии С. Есенина) / Е. А. Яковлева, А. С. Кудрякова // Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах. – Томск, 2008.

